

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 134-152.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 134-152.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.291

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА
 ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Авдеев Вадим Авдеевич

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
 vadim.avdeevich@mail.ru

Введение. В статье исследован правовой опыт регламентации института освобождения от уголовной ответственности. На основе сочетания теоретико-методологических и практико-ориентированных подходов к созданию модели законодательной регламентации института освобождения от уголовной ответственности определена юридическая природа оснований и условий его реализации, обусловленная совокупностью факторов, указывающих на целесообразность прекращения уголовного преследования и возможность применения иных мер воздействия ввиду признания виновного лица не представляющим опасность для общества и установления малозначительного характера совершенного им деяния. Определены доктринально-методологические основы разграничения в национальном праве институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания. Проведен анализ уголовно-правовой политики советского периода, раскрывающий особенности законодательной регламентации оснований и условий освобождения от уголовной ответственности, заслуживающий внимания законодателя в условиях современных правовых реалий.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частно-научные методы, которые позволили раскрыть теоретико-методологические основы выделения освобождения от уголовной ответственности в самостоятельный институт уголовного права, осуществить анализ проводимой правовой политики по реализации нового направления в области противодействия преступности, определить причины и этапы законодательной регламентации данного института уголовного права в национальном праве.

Результаты исследования. Раскрыто многообразие подходов к пониманию предпосылок законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности. В статье дается обоснование законодательной формулы регламентации института освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, с учетом правового опыта его оформления в зарубежном и российском законодательстве. Разработке подлежит проблема, связанная с раскрытием особенностей регламентации освобождения от уголовной ответственности и образующих его видов на разных этапах государственно-правового строительства. Выявлена взаимосвязь научной доктрины и правоприменительной деятельности при разработке дефиниции понятия «освобождение от уголовной ответственности». Раскрыто соотношение доктринальных подходов к пониманию института освобождения от уголовной ответственности. Определены виды освобождения от уголовной ответственности, обозначены причины и выделены этапы правовой политики, проводимой в сфере законодательной регламентации данного института уголовного права.

Выводы и заключения. В современных условиях обновления институтов национальной правовой системы модернизации подвергается институт освобождения от уголовной ответственности, законодательная регламентация которого сопровождается введением новых видов. Анализ правового опыта показывает достаточно продолжительный период формирования данного института, отдельные виды которого, имея формы аболиции, амнистии, промульгировались законодателем в качестве инструментария замены карательной репрессии иными принципами, влиявшими на более высокую мотивацию психики человека, раскрывавшими действие новых, более высоких этических побуждений. Формирование и развитие института освобождения от уголовной ответственности было обусловлено научными изысканиями XVIII века, создавшими предпосылки для появления новых методов воздействия на преступность как социально негативное явление. Анализ национальной системы права позволил сформулировать вывод о том, что освобождение от уголовной ответственности как институт уголовного права получил детальную законодательную регламентацию в советский период. Предпосылкой законодательного оформления данного института явилась активизация научной деятельности, способствующая формированию нового подхода к понятию уголовной ответственности, сопряженного с признанием его в качестве самостоятельного уголовно-правового явления, отличающегося от наказания по сущности и содержанию. Доктринальные разработки предопределили модернизацию ряда норм Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года, в которой разграничению и регламентации подлежали два понятия - «ответственность» и «уголовная ответственность». Законодательное оформление уголовной ответственности сопровождалось разработкой оснований как для привлечения лица к уголовной ответственности, так и освобождения от нее. Данный подход осуществлялся в соответствии с новыми направлениями в советской уголовно-правовой политике, ориентированными на трансформацию правового сознания, влекущую целесообразность применения в отношении лиц, совершивших преступления, иных методов и инструментов правового воздействия. В основу

осуществляемой уголовно-правовой политики была положена замена, согласно программным документам, системы уголовных наказаний на систему мер воспитательного характера. В результате проделанных научных изысканий в качестве новых направлений в развитии института освобождения от уголовной ответственности стало разграничение общих и специальных норм освобождения от уголовной ответственности. Дальнейшая интенсификация научной деятельности связана с разграничением институтов «освобождения от уголовной ответственности» и «освобождения от наказания». Качественно новый подход получил отражение в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, в соответствии с которым наряду с признанием освобождения от уголовной ответственности как самостоятельного института законодательному оформлению и последовательной детализации подлежали основания и его виды.

Ключевые слова: правовая политика, уголовная политика, уголовный закон, уголовное наказание, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности

Для цитирования: Авдеев, В. А. Законодательный детерминизм в формировании института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 134-152.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

LEGISLATIVE DETERMINISM IN THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Vadim A. Avdeev

Yugra State University Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
vadim.avdeevich@mail.ru

Introduction. The article examines the legal experience and regulatory framework governing the institution of exemption from criminal liability. By combining theoretical, methodological, and practice-oriented approaches to modeling legislative regulation, the study clarifies the legal nature of the grounds and conditions for such exemption. These are shaped by factors justifying the termination of criminal prosecution and the potential for alternative measures, provided that the offender no longer poses a public danger and the act committed is deemed insignificant. Furthermore, the study establishes the doctrinal and methodological foundations for distinguishing between exemption from criminal liability and exemption from punishment within national law. Finally, an analysis of Soviet-era criminal policy reveals specific features of legislative regulation that remain relevant for modern lawmakers.

Materials and Methods. The study employed general and specific scientific methods to reveal the theoretical and methodological foundations for establishing exemption from criminal liability as an independent legal institution. These methods facilitated an analysis of the legal policy underlying this new direction in crime prevention and allowed for identifying the factors and stages of its legislative regulation within national law.

The Results of the Study. The study reveals a wide variety of approaches to understanding the prerequisites for the legislative regulation of exemption from criminal liability. The authors substantiate the legislative formula for this institution as provided by the Criminal Code of the Russian Federation, incorporating legal experiences from both foreign and domestic legislation. The article addresses the specific features of regulating exemption from criminal liability and its various forms across different stages of state and legal development. Furthermore, the study identifies a correlation between scientific doctrine and law enforcement practices in defining "exemption from criminal liability." The relationship between different doctrinal approaches is clarified, the types of exemption are classified, and the key drivers and stages of legal policy regarding this institution's regulation are highlighted.

Findings and Conclusions. In the context of modernizing the national legal system, the institution of exemption from criminal liability is undergoing transformation, characterized by the introduction of new forms. Historical legal analysis reveals a lengthy evolutionary process: certain forms, such as abolition or amnesty, were promulgated as tools to replace punitive repression with principles that appealed to higher psychological motivations and ethical incentives. The development of this institution was rooted in 18th-century scientific discourse, which laid the groundwork for new methods of addressing crime as a social phenomenon. The study concludes that exemption from criminal liability as a legal institution reached detailed legislative maturity during the Soviet period. This formalization was driven by intensified scholarly activity that redefined criminal liability as an independent legal phenomenon, distinct from punishment in both essence and substance. Doctrinal developments predetermined the modernization of a number of norms of the RSFSR Criminal Code of the 1926 edition, in which two concepts—"responsibility" and "criminal responsibility"—were to be distinguished and regulated. The legislative formalization of criminal responsibility was accompanied by the development of grounds both for bringing a person to criminal responsibility and for exempting them from it. This approach was carried out in accordance with the new directions in Soviet criminal policy, aimed at transforming legal consciousness and providing other methods and tools of legal influence on persons who committed crimes. The basis of the implemented criminal policy was, according to program documents, the replacement of the system of criminal punishments with a system of educational measures. As a result of the undertaken scientific research, as new directions in the development of the institution of exemption from criminal responsibility, the distinction between general and special norms was established. A qualitatively new approach was reflected in the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union republics of 1958, according to which, along with the recognition of exemption from criminal liability as an independent institution, the grounds and types of such exemption were subject to legislative formalization and consistent detailing.

Keywords: national security, legal policy, criminal policy, criminal law, criminal punishment, criminal liability, legal experience, exemption from criminal liability

For citation: Avdeev, V. A. Zakonodatel'nyj determinizm v formirovanii instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti [Legislative determinism in the formation of the institute of exemption from criminal liability]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 134-152. (In Russ.).

В современных условиях обновления институтов национальной правовой системы пристальное внимание ученых и практиков на доктринальном и правоприменительном уровнях сосредоточено на решении проблем, связанных эффективной реализацией уголовной ответственности [1, с. 9–15; 2, с. 143–156; 3, с. 11–16; 4, с. 584–603; 5, с. 84–89]. Одним из исследовательских направлений, заслуживающих дальнейшей разработки, является поиск путей по оптимизации института освобождения от уголовной ответственности. В рамках данного направления нельзя не отметить существенное значение правового опыта регламентации института освобождения от уголовной ответственности в национальной правовой системе, позволяющего выявить предпосылки возникновения данного института, раскрыть причины, повлиявшие на законодательную модель его регламентации в национальном праве, установить преемственность, имеющую место в законодательной формуле, определить позитивные тенденции, подлежащие осмыслению на современном этапе модернизации уголовного законодательства.

Ретроспективный анализ законодательного оформления оснований освобождения от уголовной ответственности позволил сделать вывод о том, что создание данного института в отечественном праве основывается на правовом опыте иностранных государств, в законодательстве которых регламентации подлежало такое понятие, как «забвение обид», означающее в период античной государственности давность совершения преступления [6, р. 247]. По мнению профессора Павла Исаевича Люблинского, активному применению в иностранных государствах подлежала также амнистия, которая «даровалась» до привлечения лица к ответственности и «исключала осуждение» [7, с. 12]. Исследованию оснований освобождения от уголовной ответственности была посвящена вышедшая в 1764 году в Милане книга миланского патриция, маркиза Чезаре Беккариа Бонесана «О преступлениях и наказаниях», в которой ученый промульгировал идею о необходимости учета при определении мер уголовно-правового воздействия «пользы добродетели путем убеждения или примера», которые «послужат средством к предупреждению преступлений» [8, р. 102–104; 9, с. 197–199]. По мнению П. А. Фейербаха, «юридическое прекращение» правового воздействия за совершенное преступление может быть обусловлено такими основаниями, как: 1) понесенное наказание; 2) помилование; 3) срок давности [10, р. 54–55].

Приступая к изучению российского правового опыта регламентации института освобождения от уголовной ответственности, стоит акцентировать внимание на

Сенатском Указе от 23 июня 1725 г. «О предании забвению дел по доношениям Фискалов и доносителей и о неподаче впредь доносов мимо Фискалов» Екатерины I, согласно которому «отставлению» подлежали «дела старых лет»¹. Исходя из содержания Именного указа Екатерины II от 19 июля 1762 г. «О продолжении срока беглым людям для возвращения из-за границы в свое отечество» с учетом оказанного милосердия освободить предписывалось от заслуженного наказания всех отлучившихся и возвращающихся в свое отечество².

Анализ законодательства XIX века позволил сделать вывод о том, что в Своде законов уголовных 1832 года глава пятая была посвящена «освобождению от наказания, отсрочке и отмене оною». Так, освобождение от наказания при соблюдении определенных условий могло быть при «благовременном» открытии соумышленников (ст. 138); принятии Христианской веры иноверцами (ст. 139); истечении десяти лет ввиду «вечного забвения» (ст. 146)³. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором в главе четвертой раздела I устанавливались основания «смягчения» и «отмены наказания», предписывалось отменить наказание в случае: 1) смерти преступника; 2) примирения с обиженным; 3) давности (ст. 160, 163)⁴. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года регламентации подлежали четыре повода невозможности осуществления судебного преследования в отношении уголовной ответственности обвиняемого и прекращения начатого: 1) смерть преступника; 2) истечение давности первого и второго «рода»; 3) примирение обвиняемого с обиженным; 4) прощение (ст. 16). Примечательно, что «покрытие» преступного деяния могло наступить исходя из: 1) милостивого манифеста; 2) иной законной причины прекращения дела (ч. 2 ст. 771). В начале XX века с принятием Уголовного уложения 1903 года к обстоятельствам, устраняющим наказание, стали относить давность и помилование⁵.

Закрепленные в законе основания послужили поводом для начала активной дискуссии на страницах научной литературы. Как считал доктор права А. В. Лохвицкий, после смерти преступника наказание определенным образом все-таки выполняется, несмотря на исключение возможности «терзать» и вешать трупы

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Т. VII. 1723-1727. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 4738. С. 508–509.

² О вступлении на престол Императрицы Екатерины II, с приложением присяги на верность подданства : Манифест 28 июня 1762 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. От № 11.582 до 12.301. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 11.618. С. 23–24.

³ Свод законов Российской Империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы Уголовные. Свод Законов Уголовных. Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1833. С. 47–49.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург : В Типографии Второго отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1845. С. 54–55.

⁵ Новое Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Изд-е Каменноостровского книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. С. 33–34.

преступников. Бесчестную память преступника наследуют его дети, сохраняется позорное клеймо на могиле [11, с. 280]. Профессор П. Д. Калмыков отмечал, что причинами отмены установленной меры наказания должны быть: 1) отказ обвинителя от иска; 2) совершенное оправдание преступника; 3) «выдержание» постановленного наказания; 4) давность; 5) помилование. Случайными обстоятельствами отмены наказания признавались по русскому праву примирение и смерть [12, с. 393–403]. С точки зрения Л. С. Белогриц-Котляревского, к исключаящим наказанию обстоятельствам стоит отнести: 1) смерть преступника; 2) отказ потерпевшего; 3) добровольная уплата пени; 4) давность преследования и давность наказания; 5) помилование [13, с. 334]. Анализ юридической литературы показал, что в данный период отсутствовал унифицированный подход к пониманию категорий – освобождение от наказания и освобождение от уголовной ответственности. Поэтому Н. С. Таганцев при рассмотрении данного вопроса предлагал руководствоваться преимущественно термином «ответственность» [14, с. 365–366, 379–394].

Формирование основ советского законодательства послужило развитию институтов уголовного права. Законодательное оформление оснований освобождения от уголовной ответственности связано было с реализацией программных документов. Так, на основе принятого ВЦИК 30 ноября 1918 г. Положения о народном суде РСФСР народный суд был вправе по своему усмотрению выносить постановления об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания. Для освобождения от наказания суд должен был привести мотивацию основания принятия решения. Народному суду было предоставлено право помилования по их личному или близких ходатайству либо по представлению применяющих наказание органов (ст. 28, 35–36, 39, 69, 79)⁶.

Гуманизм советской уголовно-правовой политики отразился на сравнительно высоком удельном весе прекращенных следственными комиссиями уголовных дел, возбужденных революционными трибуналами. Так, в 1917–1918 гг. из 12 223 возбужденных дел прекращению подлежало каждое шестое уголовное дело – 2 040 (16,68 %). Производство революционными трибуналами было окончено по каждому четвертому уголовному делу – 3 379 (27,64 %). В производстве революционных трибуналов осталось 2 725 дел (22,29 %). Передаче в другие суды подлежало 2 628 уголовных дел (25,05 %) [15, с. 47–48].

Примечательно, что в 1917–1918 гг. по подсудным революционным трибуналам делам (5 252) прекращению следственными комиссиями подлежало 989 дел (18,83 %), 1 818 дел (34,61 %) – окончено производством, 1 522 дела (28,97 %) – остались в производстве, 923 дела (17,57 %) – передано в другие суды. По разным иным уголовным делам, возбужденным революционными трибуналами, не находящимися в сфере их подсудности (6 803), прекращению следственными комиссиями подлежало 1 051 дело (15,44 %), 1 561 дело (22,94 %) – окончено производством, 1 203 дела (17,68 %) – остались в производстве, 1 705 дел (25,06 %) – передано в другие суды [15, с. 49, 52]. Таким образом, постановлениями

⁶ СУ 1918. № 85. Ст. 889.

следственной комиссии подлежало прекращению из числа: всех возбужденных революционными трибуналами дел - 16,68 %, подсудных революционным трибуналам дел - 18,83 %, других уголовных дел - 15,44 %.

Определенного внимания в этой связи заслуживает соотношение доли прекращенных дел по: 1) всем делам (2040 – 37,64 %); 2) делам, подсудным революционным трибуналам (989 – 35,23 %); 3) другим делам (1051 – 40,23 %). В общей сложности прекращению подлежало 4 080 дел (37,64 %) из 10 838 известных дел, что свидетельствует о развитии нового направления советской уголовно-правовой политики, обеспечивающего реформирование сознания и поведения совершивших преступления лиц различными формами, методами и инструментами правового воздействия.

Прекращению следственными комиссиями по подсудным революционным трибуналам делам (5 252) подлежало 989 дел (18,83 %), из них прекращенные дела составляли по: 1) контрреволюционным выступлениям – 425 (42,97 %); 2) спекуляции – 307 (31,04 %); 3) взяточничеству, подлогу, неправомерному использованию советских документов – 156 (15,77 %); 4) саботажу – 48 (4,85 %); 5) погромам – 45 (4,55 %); 6) шпионажу – 8 (0,8 %).

Определенного внимания заслуживает дифференцированный подход революционных трибуналов к процессу привлечения к ответственности. По возбужденным в целом уголовным делам в отношении 8 393 чел. осуждению было подвергнуто более половины – 4 483 чел. (53,41 %), освобождению следственными комиссиями подлежало 2 208 чел. (26,3 %), оправданными оказались 1 702 чел. (20,27 %). По подсудным по декрету революционным трибуналам делам в отношении 3 680 чел. осуждению был подвергнут 1 831 чел. (49,75 %), освобождению следственными комиссиями подлежало 1 145 чел. (31,11 %), оправданными оказались 704 чел. (19,13 %). По другим уголовным делам в отношении 4 713 чел. осуждению подлежало 2 652 чел. (56,26 %). Освобождению следственными комиссиями подлежало 1 063 чел. (22,55 %). Оправданными оказались 998 чел. (21,17 %) [15, с. 57–61].

Имеющаяся информация из одиннадцати революционных трибуналов создает определенную картину распределения привлеченных в качестве обвиняемых (3 683 чел.) по отдельным видам преступлений с последующим их освобождением следственными комиссиями или осуждением. Большинство подлежало привлечению за спекуляцию – 1 465 чел. (39,77 %). Далее следовали привлеченные в качестве обвиняемых за контрреволюционные выступления – 1 183 чел. (32,12 %). Менее распространенной оказалась категория лиц, привлеченных за взяточничество, подлог, неправомерное использование советских документов – 588 чел. (15,96 %). Минимальными показателями характеризуются группы лиц, привлеченных в качестве обвиняемых за саботаж – 273 чел. (7,41 %), погром – 165 чел. (4,48 %), шпионаж – 9 чел. (0,24 %). Почти треть из числа привлеченных в качестве обвиняемых за указанные преступления подлежали освобождению следственными комиссиями – 1 146 чел. (31,12 %). Соответственно, более двух третей были подвергнуты осуждению революционными трибуналами – 2 537 чел. (68,88 %).

Категории освобожденных лиц следственными комиссиями с учетом вида совершенного преступления распределялись следующим образом. Лишь каждый пятый из числа привлеченных в качестве обвиняемых за спекуляцию подлежал освобождению следственными комиссиями – 305 чел. (20,81 %). Оправданными считались 330 чел. (22,52 %). Более трети привлеченных в качестве обвиняемых за контрреволюционные выступления подлежали освобождению следственными комиссиями – 423 чел. (35,75 %). Оправданными оказались 192 чел. (16,22 %). Среди лиц, привлеченных за взяточничество, подлог, неправомерное использование советских документов, освобождено было 259 чел. (44,04 %). Оправданными признаны 92 чел. (15,64 %). По привлеченным в качестве обвиняемых за саботаж освобожденными становятся 89 чел. (32,6 %), оправданными – 65 чел. (23,8 %). Среди привлеченных в качестве обвиняемых за погром освобождению подлежали 64 чел. (38,78 %), оправданными признаны 24 чел. (14,54 %). По привлеченным в качестве обвиняемых за шпионаж освобожденными оказались 6 чел. (66,66 %), оправданными – 3 чел. (33,34 %) [15, с. 65–68].

В дальнейшем в Программе РКП(б), принятой VIII съездом Российской Коммунистической партии (большевиков) 18–23 марта 1919 г., декларировалось, что организованные по новому принципу суды обусловили «коренное» изменение характера наказания и замену системы наказаний системой мер воспитательного характера (ст. 11)⁷. Внимания заслуживает Циркуляр НКЮ от 2 апреля 1919 г. № 37 «Всем отделам Юстиции и Советам Народных Судей»⁸, предписавший прекращение Народными Судами в распорядительных заседаниях (без вызова сторон и свидетелей) возбужденных и прекращенных в связи с империалистической войной уголовных дел и всех уголовных дел, возникших до 25 октября 1917 г., кроме опасных для государства случаев совершения деяний с учетом их тяжести, подлежащих рассмотрению судами на общих основаниях [16, с. 29–35]. На основании Декрета ВЦИК Советов от 12 апреля 1919 г. «О революционных трибуналах» устанавливалась возможность освобождения обвиняемых следственными комиссиями революционных трибуналов. Решение вопроса относительно прекращения дела осуществлялось непосредственно революционным трибуналом. В пределах своей компетенции по подсудным делам революционные трибуналы могли выносить постановления через распорядительное заседание трибунала по поводу изменения меры пресечения либо освобождения (ст. 9, 11)⁹.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года предписывалось, исходя из содержания ст. 16, не подвергать наказанию лицо, совершившее представляющее опасность для данного строя деяние при исчезновении определенных условий¹⁰. Декрет ВЦИК Советов от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах (Положение)» регламентировал возможность

⁷ VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Москва, 18-23 марта 1919 года. Издание «Коммунист». М., 1919.

⁸ Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12)–4 (14). С. 113–114.

⁹ СУ 1919. № 13. Ст. 132.

¹⁰ СУ 1919. № 66. Ст. 590.

прекращения дела до судебного разбирательства в распорядительном заседании Пленума трибунала (ст. 10, 12)¹¹.

Реализуемый в советской уголовно-правовой политике курс на гуманизацию отразился на сравнительно высоком удельном весе в 1919–1920 гг. прекращенных уголовных дел до суда. В 1919 году, по представленным Е. Н. Тарновским статистическим данным, число возникших уголовных дел составило 575 438. Доля рассмотренных дел достигла 45,0 %, прекращенных дел до суда - 46,0 %. Абсолютное количество осужденных исчислялось показателем 195 892 чел., удельный вес оправданных лиц - 43,0 % [17, с. 4]. По другим статистическим данным, в 1919 году удельный вес оправданных лиц достиг 37,0 %. Относительный показатель доли осужденных составил 63,0 %.

В 1920 году, согласно представленным Е. Н. Тарновским статистическим данным, число возникших уголовных дел составило 731 046 и сопровождалось ростом по сравнению с предыдущим годом на 21,29 %. Доля рассмотренных дел составила 52,0 %, прекращенных дел до суда - 40,0 %. Абсолютный показатель осужденных составил 365 898 чел., доля оправданных лиц - 33,0 %. Использование более полных статистических данных позволяет отметить, что в 1920 году общее число возникших уголовных дел составило 1 377 778, из них в: народных судах - 1 187 169, революционных трибуналах - 23 447, революционных военных трибуналах - 167 162. Общее количество осужденных составило 660 401 чел. [17, с. 4–12; 18, с. 43–44].

Внимания заслуживала опубликованная официальная статистика движения уголовных дел в народных судах в 1920 году. По представленным М. Н. Гернетом статистическим данным, в 1920 году число поступивших уголовных дел составило 1 248 862. По окончанным по существу уголовным делам было: оправдано - 299 362 чел., осуждено - 582 571 чел. [19, с. 72–73]. В рамках окончанных производством дел заметным является удельный вес оправданных лиц (33,94 %). Движение дел в Губернских революционных трибуналах имело несколько иную специфику в силу повышенной общественной опасности рассматриваемых преступлений и виновных лиц. В 1920 году поступили 36 923 дела, окончанными из которых оказались 34 966 дел (94,69 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 3 960 чел., осуждено - 22 839 чел. [20, с. 74–75]. В рамках окончанных производством дел удельный вес оправданных лиц составил 14,77 %.

Достигнутые результаты в развитии юридической техники, в том числе в отношении институтов уголовного права на законодательном и доктринальном уровнях, получили закрепление в нормах права. В Декрете СНК от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» впервые регламентации подлежал термин «освобождение от уголовной ответственности». В примечании к п. 10 был установлен специальный вид освобождения за хранение при отсутствии надлежащего разрешения оружия, взрывчатых веществ, воинского снаряжения и других предметов. Согласно данному

¹¹ СУ РСФСР. 1920. № 22-23. Ст. 115.

примечанию лица, добровольно сдавшие в установленные сроки указанные в данной статье предметы, подлежали освобождению от уголовной ответственности¹².

В ходе последовательной новеллизации норм уголовного и уголовно-процессуального права Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. утверждению подлежал Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР), вступивший в законную силу с 1 июня 1922 г. С учетом новых тенденций в реализации уголовно-правовой политики, согласно ст. 21 УК РСФСР, уголовное преследование, осуждение, применение наказания не допускались в связи с истечением сроков давности¹³. При этом общие условия давности, предусмотренные ст. 21 УК РСФСР, не подлежали распространению на особый вид давности, регламентированный в ст. 22 УК РСФСР. Согласно ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года (далее – УПК РСФСР) уголовное преследование не могло быть возбуждено, а возбужденное дело подлежало прекращению на всякой стадии процесса, в том числе по одному из следующих оснований: примирение обвиняемого с потерпевшим по возбуждаемым по жалобе потерпевшего делам, за исключением указанных в ст. 10, 11 УПК РСФСР случаев, отсутствие жалобы потерпевшего по возбуждаемым по таковым жалобам делам, в связи с истечением срока давности, вследствие акта об амнистии, исключающей наказуемость совершенного обвиняемым, либо помилования отдельных лиц или прекращения дел о них постановлением ВЦИК либо его Президиума в порядке предоставленных законом прав¹⁴.

При проведении анализа правоприменительной практики внимания заслуживает опубликованная официальная статистика движения уголовных дел в народных судах в 1921–1922 гг. По представленным М. Н. Гернетом статистическим данным, в 1921 году число поступивших уголовных дел составило 1 674 929. По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 356 971 чел., осуждено – 834 685 чел. [20, с. 72–73]. В рамках окончанных производством дел заметным являлся удельный вес оправданных лиц (29,95 %). В 1922 г. число поступивших уголовных дел составило 1 776 152. По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 358 850 чел., осуждено – 1 089 503 чел. [20, с. 72–73]. В пределах окончанных производством дел доля оправданных лиц подлежала снижению до 24,77 %.

Движение дел в Губернских революционных трибуналах имело несколько иную специфику в силу повышенной общественной опасности рассматриваемых преступлений и виновных лиц. В 1921 году поступило 41 629 дел, окончанными из которых оказалось 40 980 дел (98,44 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 7 072 чел., осуждено – 40 239 чел. В пределах окончанных производством дел доля оправданных лиц составила 14,94 %. В 1922 году поступило 45 811 дел, окончанными из которых оказались 44 153 дела (96,38 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 12 266 чел., осуждено – 95 604 чел.

¹² Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. № 240. 1921. 26 октября.

¹³ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁴ СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

[20, с. 74–75]. В рамках окончанных производством дел удельный вес оправданных лиц составил 11,37 %.

Анализ данных официальной статистики по Революционным военным и транспортным трибуналам за 1920–1922 гг. позволил раскрыть следующие особенности. В 1920 году поступило 167 162 дела, окончанными из которых в судебном заседании оказалось 52 960 дел (31,68 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 17 500 чел., осуждено – 89 466 чел. В пределах окончанных производством дел доля оправданных лиц составила 16,36 %. В 1921 году поступило 106 353 дела, окончанными из которых в судебном заседании оказалось 27 648 дел (31,68 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 8 275 чел., осуждено – 58 571 чел. В рамках окончанных производством дел доля оправданных лиц составила 14,12 %. В 1922 году поступило 37 180 дел, окончанными из которых в судебном заседании оказалось 12 024 дела (32,33 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 2 752 чел., осуждено – 20 987 чел. [21, с. 80]. В рамках окончанных производством дел доля оправданных лиц составила 11,59 %.

Определенные изменения в регламентацию института освобождения от уголовной ответственности были внесены с принятием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года, в том числе в ст. 10 указывалось на невозможность возбуждения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности. В соответствии с примечанием 1 к ст. 10 союзные республики имели право устанавливать понижение давностных сроков по отдельным видам преступлений. В примечании 3 к ст. 10 применение давности в каждом случае предоставлялось на усмотрение суда в случаях привлечения к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против революционного движения и рабочего класса, проявленную на особо секретных или ответственных должностях при царском строе, а также в случае совершения контрреволюционного преступления¹⁵.

В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 года устанавливалось, что возбужденное дело подлежит прекращению на всякой стадии процесса, в том числе по одному из следующих оснований: 1) в связи с истечением срока давности; 2) в случае примирения обвиняемого с потерпевшим в особо предусмотренных законодательством союзных республик случаях; 3) при отсутствии жалобы потерпевшего по возбуждаемым по жалобе потерпевшего делам, за исключением случаев, когда прокуратура признает необходимым возбуждение дела по собственной инициативе; вследствие акта об амнистии ЦИК СССР либо ЦИК союзных республик¹⁶.

Следующим этапом в развитии института освобождения от уголовной ответственности стало принятие Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 9 февраля 1925 г. «О дополнении Уголовно-процессуального кодекса статьями 4-А, 203-А, 222-А», в соответствии с которым суд и прокурор наделены были правом отказа в возбуждении уголовного преследования, прекращения уголовного дела производством в случаях,

¹⁵ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

¹⁶ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности, содержащее предусмотренные УК РСФСР признаки преступления, не могло быть признанным общественно опасным ввиду незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно вследствие нецелесообразности возбуждения уголовного дела либо дальнейшего его производства¹⁷.

Происходящие изменения в законодательстве вызвали неоднозначную оценку со стороны представителей научных кругов и практиков, в том числе Э. Я. Немировского, А. А. Пионтковского, А. Н. Трайнина, Б. С. Утевского, А. Я. Эстрина и др. По мнению исследователей, смерть преступника, примирение, давность и помилование следовало отнести к обстоятельствам, погашающим наказание [21, с. 218–222; 22, с. 231–235; 23, с. 96–110].

Результатом многолетней научно-исследовательской и правотворческой работы стало появление новой редакции УК РСФСР 1926 года, в которой в рамках раздела 2 Общей части использованию и разграничению стали подлежать понятия «ответственность» и «уголовная ответственность»¹⁸. Если в ст. 3–4 УК РСФСР законодатель оперировал понятием «ответственность», то в ст. 5 УК РСФСР впервые на законодательном уровне закреплялось понятие «уголовная ответственность». Законодательное оформление института – «уголовная ответственность» – создало предпосылки для регламентации в уголовном законе оснований освобождения от нее. Согласно ст. 8 УК РСФСР 1926 года конкретное действие, являвшееся в момент совершения преступлением, утратившее к моменту расследования или рассмотрения в суде характер общественно опасного в силу факта изменения социально-политической обстановки, не влекло применения к его осуществившему мер социальной защиты. В УК РСФСР в редакции 1926 года также была установлена «невозможность» осуществления уголовного преследования в связи с истечением срока давности (ст. 14)¹⁹.

В условиях военного времени с принятием Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июля 1943 г. рассмотрение уголовных дел о преступлениях, не представлявших особой злостности, подлежало приостановлению вследствие призыва обвиняемых в армию или на флот. Основанием для прекращения данной категории дел являлась «беспорочная» служба в Красной Армии либо Военно-Морском Флоте. Вследствие этого обвиняемый утрачивал общественную опасность и подлежал освобождению от наказания на основании ст. 8 УК РСФСР. Последовательной реализации поощрительного потенциала уголовно-правовых норм способствовало принятие Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1943 г. Согласно данному постановлению приговоры в отношении осужденных заочно по делам о самовольном уходе с предприятий и учреждений в порядке надзора подлежали отмене с прекращением дела на основании ст. 8 УК РСФСР. Одновременно отмечалась возможность освобождения от наказания или замены лишения свободы условным осуждением инвалидам Великой Отечественной войны, уволенным из действующей

¹⁷ СУ РСФСР. 1925. № 9. Ст. 68.

¹⁸ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹⁹ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

армии. Суд при отсутствии ходатайства военного командования по заявлению осужденного или по представлению прокурора наделялся правом вынесения соответствующего определения, исключавшего отбывание назначенной меры наказания.

С принятием новой редакции 1926 года (ред. 1 июля 1950 г.) УК РСФСР законодатель вновь оперирует понятием освобождение от уголовной ответственности. Так, в статье 8 указывалось, что, если конкретное действие, являвшееся в момент совершения его, согласно ст. 6 УК РСФСР, преступлением к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно-опасного вследствие изменения уголовного закона или в силу факта изменившейся социально-политической обстановки, либо если лицо, его совершившее, по мнению суда, к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным, указанное действие не влечет применения меры социальной защиты к совершившему его лицу. Примечательно, что право полного или частичного освобождения осужденного от мер социальной защиты сверх предусмотренных настоящим кодексом случаев принадлежало в отношении приговоров всех судебных органов РСФСР исключительно Президиуму ВЦИК (ст. 52)²⁰. Предложенная модель регламентации института освобождения от уголовной ответственности получила преемственность в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, определяющих его значение для достижения целей уголовно-правового регулирования [24, с. 366].

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что интенсификация научной и правотворческой деятельности в 20-х гг. XX в. предопределила формирование институтов уголовного права и последовательную их законодательную регламентацию в национальном праве.

Возникновение института освобождения от уголовной ответственности обусловлено выделением уголовного права как самостоятельной отрасли права, институциональной основой которой являются такие базовые категории, как преступление и наказание. Вследствие этого на ранних этапах уголовно-правового регулирования пристальное внимание законодателя акцентировалось на определении мер уголовно-правового воздействия, ведущая роль среди которых отведена наказанию. Определяя виды наказания и основания их реализации, законодатель устанавливает и основания освобождения от наказания. В качестве предпосылки введения института освобождения от наказания и особенностей его законодательной регламентации на разных этапах историко-правового развития российской государственности можно определить направленность уголовно-правовой политики на обеспечение интересов определенной категории лиц.

Впоследствии в процессе развития научных знаний о преступлении и наказании в основу института освобождения от наказания легли правовые постулаты, разработанные в период Просвещения о целях уголовного наказания, формах и методах его реализации. Детальному анализу в данный период подлежал

²⁰ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.

юридический инструментарий, позволяющий достичь цель, связанную с предупреждением преступности, путем уменьшения роли карательной репрессии и расширения применения воспитательных механизмов.

В ходе развития советской уголовно-правовой доктрины и анализа правоприменительной деятельности в первые годы советского государственно-правового строительства были разработаны научные основы, способствующие введению института уголовной ответственности, соотносимого с уголовным наказанием как общее и частное. Данный подход ориентировал ученых и законодателя на разработку дефиниций понятий «уголовная ответственность» и «уголовное наказание» с указанием их отличительных признаков и свойств. Разграничение данных институтов как самостоятельных элементов в механизме уголовно-правового регулирования предопределило формирование двух самостоятельных институтов – «освобождение от уголовной ответственности» и «освобождение от уголовного наказания». Разработка в доктрине уголовного права понятия «основания привлечения к уголовной ответственности» повлекла необходимость аргументации целесообразности установления оснований освобождения от данной формы уголовно-правового воздействия. Вследствие этого одним из спорных вопросов в науке уголовного права с учетом законодательной формулы регламентации остается вопрос, касающийся «оснований» и «видов» освобождения от уголовной ответственности. Решение данного вопроса на доктринальном уровне позволит обосновать применяемый законодателем инструментарий в контексте принципов юридической ответственности, среди которых значимое место отводится неотвратимости, справедливости и соразмерности налагаемых лишений и ограничений в отношении лица, совершившего преступное деяние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова, И. А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательстве и судебной практике : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 226 с.
2. Кауфман, М. А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 143–156.
3. Матвеева, Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно правового конфликта : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 222 с.
4. Пудовочкин, Ю. Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 12. Вып. 3. 2021. С. 584–603.
5. Силантьев, С. А. Освобождение от уголовной ответственности как средство ее дифференциации: общие и частные проблемы и пути их решения // Российско-Азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 84–89.
6. Principes généraux du droit pénal belge. Bookreader Item Preview by Haus, J. J. 1885. Paris, Thorin. 670 p.

7. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование П. И. Люблинского. СПб. : Сенатская типография, 1907. 363 с.
8. Dei delitti e delle pene di Cesare Beccaria. Prima edizione, 1764. 121 p.
9. О преступлениях и наказаниях. Перевел с французского А. Хрущов. В Санкт-Петербурге: В типографии И. Глазунова, 1806. 200 с.
10. Feuerbach, Paul Johann Anselm von: Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden Peinlichen Rechts. Giessen, 1801. 563 p.
11. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. 662 с.
12. Учебник уголовного права профессора П. Д. Калмыкова. Изданный А. Любавским. Часть Общая. СПб. : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1866. 535 с.
13. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Ординарного профессора Университета св. Владимира Л. С. Белогриц-Котляревского. Киев : Типо-литография И. И. Чоколова, 1903. 618 с.
14. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. II. Тула : Автограф, 2001. 688 с.
15. Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1 (11). С. 47-78.
16. Курский Д. Из практики народного суда // Пролетарская революция и право. 1919. № 1 (11). С. 29-35.
17. Тарновский, Е. Движение преступности в пределах РСФСР по сведениям местных судов за 1919-20 гг. // Пролетарская революция и право. 1921. № 15. С. 4-12.
18. Тарновский Е. Судебная репрессия в цифрах // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44-45. С. 43-44.
19. Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за время с 1 января по 1 октября 1922 года: С приложением форм и образцов актов предварительного следствия / РСФСР. М. : Изд. Управления судебного надзора Верховного трибунала ВЦИК. 1922. 135 с.
20. Труды Центрального статистического управления. Т. XVIII. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923 / Ред. М. Красильников. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1924. 85 с.
21. Немировский, Э. Я. Советское уголовное право. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного Кодекса СССР. Ч. Общая и Особенная. Одесса, 1924. 292 с.
22. Пионтковский, А. А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М. : Государственное издательство, 1924. 235 с.
23. Крыленко, Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть третья. Основы уголовного материального права. М., Л. : Государственное издательство, 1930. 184 с.
24. Авдеев, В. А. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М. : Буки Веди, 2023. 472 с.

REFERENCES

1. Efremova, I. A. Institut osvobozhdeniya ot nakazaniya v teorii ugolovnogogo prava, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike : dis. ... kand. jurid. nauk [The institute of exemption from punishment in the theory of criminal law, legislation, and judicial practice: dissertation ... for the degree of Candidate of Legal Sciences]. Saratov, 2018, 226 p. (In Russ.).
2. Kaufman, M. A. K voprosu ob osnovanii osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti [On the Issue of Grounds for Exemption from Criminal Liability]. ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2021, vol. 25, no. 1, pp. 143-156. (In Russ.).
3. Matveeva, Ya. M. Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti v rossijskom ugolovnom prave: modernizaciya i poisk al'ternativnyh sposobov uregulirovaniya ugolovno pravovogo konflikta : dis. ... kand. jurid. nauk [The institute of exemption from criminal liability in Russian criminal law: modernization and search for alternative ways to resolve criminal-law conflicts: dissertation ... for the degree of Candidate of Legal Sciences]. St. Petersburg, 2016, 222 p. (In Russ.).
4. Pudovochkin, Yu. E. Teoreticheskie voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti [Theoretical issues of improving legislation on exemption from criminal liability]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik of Saint Petersburg University. vol. 12, no. 3, 2021, pp. 584-603. (In Russ.).
5. Silantyev, S. A. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti kak sredstvo ee differenciacii: obshchie i chastnye problemy i puti ih resheniya [Release from criminal liability as a means of its differentiation: general and specific problems and ways to solve them]. Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal – Russian-Asian Law Journal. 2024, no. 4, pp. 84-89. (In Russ.).
6. Principes généraux du droit pénal belge. Bookreader Item Preview by Haus, J. J. 1885. Paris, Thorin. 670 p.
7. Pravo amnistii: istoriko-dogmaticheskoe i politicheskoe issledovanie P. I. Lyublinskogo [The Right of Amnesty: Historical-Dogmatic and Political Study by P. I. Lyublinsky]. St. Petersburg: Senate Printing House, 1907, 363 p. (In Russ.).
8. Dei delitti e delle pene di Cesare Beccaria. Prima edizione, 1764, 121 p.
9. O prestupleniyah i nakazaniyah. Perevel s francuzskogo A. Hrushchov. V Sankt-Peterburge: V tipografii I. Glazunova [On Crimes and Punishments. Translated from French by A. Khrushchev. In Saint Petersburg: At the printing house of I. Glazunov], 1806, 200 p. (In Russ.).
10. Feuerbach, Paul Johann Anselm von: Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden Peinlichen Rechts. Giessen, 1801. 563 p. (In Russ.).
11. Lokhvitsky, A. Kurs russkogo ugolovnogogo prava [Course of Russian Criminal Law]. St. Petersburg, 1867, 662 p. (In Russ.).
12. Uchebnik ugolovnogogo prava professora P. D. Kalmykova. Izdannyj A. Lyubavskim. CHast' Obshchaya [Textbook of Criminal Law by Professor P. D. Kalmykov. Published by A. Lyubavsky. General Part]. St. Petersburg: Printing House of the Partnership “Public Benefit”, 1866, 535 p. (In Russ.).
13. Uchebnik russkogo ugolovnogogo prava. Obshchaya i Osobennaya chast. Ordinarnogo professora Universiteta sv. Vladimira L. S. Belogric-Kotlyarevskogo [Textbook

of Russian Criminal Law. General and Special Parts. By Ordinary Professor of St. Vladimir University L. S. Belogrity-Kotlyarevsky]. Kyiv : I. I. Chokolov Printing House, 1903, 618 p. (In Russ.).

14. Tagantsev, N. S. Russkoe ugovnoe pravo. CHast' Obshchaya. T. II. [Russian Criminal Law. General Part. Vol. II]. Tula: Autograph, 2001, 688 p. (In Russ.).

15. Berman, Ya. O revolyucionnyh tribunalah [On Revolutionary Tribunals]. Proletarskaya revolyuciya i pravo – Proletarian Revolution and Law. 1919, vol. 11, no. 1, pp. 47-78. (In Russ.).

16. Kursky, D. Iz praktiki narodnogo suda [From the practice of the people's court]. Proletarskaya revolyuciya i pravo – Proletarian Revolution and Law. 1919, vol. 11, no. 1, (11). pp. 29-35. (In Russ.).

17. Tarnovsky, E. Dvizhenie prestupnosti v predelakh RSFSR po svedeniyam mestnyh sudov za 1919-20 gg. [Crime trends within the RSFSR according to the data of local courts for 1919-20]. Proletarskaya revolyuciya i pravo – Proletarian Revolution and Law. 1921, no. 15, pp. 4-12. (In Russ.).

18. Tarnovsky, E. Sudebnaya repressiya v cifrah [Judicial repression in figures]. Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii – Weekly of Soviet Justice. 1922, no. 44-45, pp. 43-44. (In Russ.).

19. Sbornik cirkulyarov Verhovnogo tribunala VCIK za vremya s 1 yanvarya po 1 oktyabrya 1922 goda: S prilozheniem form i obrazcov aktov predvaritel'nogo sledstviya [Collection of circulars of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee for the period from January 1 to October 1, 1922: With the attachment of forms and samples of preliminary investigation acts]. Moscow : Publishing House of the Department of Judicial Supervision of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee, 1922, 135 p. (In Russ.).

20. Trudy Central'nogo statisticheskogo upravleniya. T. XVIII. Sbornik statisticheskikh svedenij po Soyuzu SSR. 1918-1923 / Red. M. Krasil'nikov [Works of the Central Statistical Administration. Vol. XVIII. Collection of statistical data on the USSR. 1918-1923 / Ed. M. Krasilnikov]. Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1924, 85 p. (In Russ.).

21. Nemirovsky, E. Ya. Sovetskoe ugovnoe pravo. Posobie k izucheniyu nauki ugovnogo prava i dejstvuyushchego Ugolvnogo Kodeksa SSSR. CH. Obshchaya i Osobennaya [Soviet Criminal Law. A manual for studying the science of criminal law and the current Criminal Code of the USSR. Part. General and Special]. Odessa, 1924, 292 p. (In Russ.).

22. Piontkovsky, A. A. Ugolovnoe pravo RSFSR. Obshchaya chast' [Criminal Law of the RSFSR. General Part]. Moscow : State Publishing House, 1924, 235 p. (In Russ.).

23. Krylenko, N. V. Sud i pravo v SSSR: teoreticheskij i prakticheskij kommentarij k osnovam sudoustrojstva, sudoproizvodstva i material'nogo ugovnogo prava SSSR. CHast' tret'ya. Osnovy ugovnogo material'nogo prava [Court and Law in the USSR: Theoretical and Practical Commentary on the Fundamentals of the Judiciary, Legal Proceedings, and Substantive Criminal Law of the USSR. Part Three. Fundamentals of Substantive Criminal Law]. Moscow, Leningrad : State Publishing House, 1930, 184 p. (In Russ.).

24. Avdeev, V. A. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lekcij [Russian Criminal Law. General Part. Lecture Course. In 3 vols. Vol. 2. Part 2]. Moscow : Bukey Vedy, 2023, 472 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авдеев Вадим Авдеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы права. Югорский государственный университет. 828012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16. ORCID: 0000-0002-8614-6996

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Avdeev Vadim Avdeevich, Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of the Higher School of Law. Yugra State University. 16 Chekhov St, Khanty Mansiysk, 828012. ORCID: 0000-0002-8614-6996

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026. The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.